
КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ CLINICAL PSYCHOLOGY

Роль когнитивных искажений в поддержании паттерна сексуального насилия

Демидова Л.Ю.

*Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: lyubov.demidova@gmail.com*

Искаженные суждения, поддерживающие совершение противоправных сексуальных действий, широко распространены среди лиц с аномальным сексуальным поведением и рассматриваются зарубежными авторами как один из динамических факторов риска рецидива преступлений против половой неприкосновенности. В статье приведен аналитический обзор основных зарубежных работ по проблеме когнитивных искажений у сексуальных правонарушителей. Представлены различные попытки концептуализации и категоризации когнитивных искажений, теоретическое и эмпирическое обоснование приведенных классификаций, структурные характеристики и некоторые особенности формирования искаженных суждений. Отмечается, что в большинстве зарубежных исследований когнитивных искажений используются методики, основанные на самоотчете, а также изучаются объединенные выборки сексуальных правонарушителей, включающие в себя одновременно лиц со сформированным сексуальным расстройством и так называемых ситуативных преступников. Показана необходимость разграничения априорных и апостериорных когнитивных искажений, а также самооправданий, свойственных человеческой природе, и дезадаптивных установок, способствующих совершению криминальных действий. Высказано предположение, что оценку когнитивных искажений необходимо проводить не только унифицированными опросниками, но с использованием феноменологического анализа поведения в ситуации и ретроспективного анализа убеждений, существовавших до совершения инкриминируемого деяния.

Ключевые слова: когнитивные искажения, предубеждения, самооправдания, субъективный опыт, адаптация, аномальное сексуальное поведение.

Для цитаты: Демидова Л.Ю. Роль когнитивных искажений в поддержании паттерна сексуального насилия [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 89—99. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120110>

The Role of Cognitive Distortions in Maintaining the Pattern of Sexual Violence

Liubov Y. Demidova

*V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: lyubov.demidova@gmail.com*

Distorted judgments supporting commitment of criminal sexual acts are widely used in persons with abnormal sexual behavior and considered by foreign researchers as one of the dynamic risk factors of relapse of sexual crimes against minors. The submitted article is an analytical review of the main foreign research papers on the problem of cognitive distortions in sexual offenders. Various attempts to conceptualize and categorize cognitive distortions are presented with their theoretical and empirical verification, structural characteristics and some features of the development of such distorted judgements. The self-report questionnaires are mainly used in foreign studies of cognitive distortions, also samples of sexual offenders are studied include both persons with sexual disorders and situational offenders. The article shows the necessity of distinguishing between prior and posterior cognitive distortions, as well as self-justification inherent in human nature and distorted judgements that contribute to the commission of criminal acts. It has been suggested that the assessment of cognitive distortions should be carried out not only by unified questionnaires, but using a phenomenological analysis of situational behavior and a retrospective analysis of criminal's beliefs before the latter committed the incriminated act.

Keywords: cognitive distortion, prejudice, self-justification, subjective experience, adaptation, abnormal sexual behavior.

For citation: Demidova L.Y. The role of cognitive distortions in maintaining the pattern of sexual violence. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 1, pp. 89—99. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120110> (In Russ.).

Введение

Лица, совершающие сексуальные правонарушения, нередко отстаивают взгляды о допустимости сексуальных контактов между взрослыми и детьми или о приемлемости насилия в сексуальном взаимодействии; эти взгляды оцениваются обществом как категорически неприемлемые и аморальные.

Так, сексуальные правонарушители нередко с убеждением относятся к женщинам в целом, считают своих жертв ответственными за сексуальный контакт, преуменьшают нанесенный вред, преподносят сексуальное насилие как полезный или приятный опыт для потерпевших, рассматривают детей как сексуально мотивированных [8].

Когнитивные искажения — обобщенный термин, используемый зарубежными исследователями для обозначения установок и убеждений, поддерживающих противоправные сексуальные действия [1; 15; 29]. Такого рода искаженные суждения характерны для правонарушителей разных полов [17], стран и культур [3; 11; 13]. Термин «когнитивные искажения» является наиболее устоявшимся в зарубежной литературе, и хотя существует целый ряд других понятий для описания схожих феноменов, все они сводятся к идее о мыслях, «дающих разрешение» на совершение сексуального правонарушения [15].

Исследование когнитивных искажений является одним из способов, часто используемых в зарубежной практике, как для оценки риска совершения повторных правонарушений, так и для оценки вероятности экстернализации противоправного поведения у лиц, ранее не совершавших преступлений [1; 7; 24].

Остается, однако, неясным, отражают ли такие взгляды искаженное восприятие правонарушителями реальности или являются лишь оправданием собственного (запланированного или уже реализованного) антисоциального поведения, поскольку когнитивные искажения могут как предшествовать совершению насильственных сексуальных действий, так и появляться уже после их реализации [15]. Вместе с тем от укорененности таких искажений, от их фундаментальности зависит степень виновности субъекта, его способность осознавать сущность совершаемого деяния, предвидеть последствия своего поведения.

Целью данной работы стал анализ основных представлений зарубежных авторов о когнитивных искажениях у сексуальных правонарушителей, выявление пробелов в их изучении, выделение направлений для будущих исследований. В анализ были включены

основные зарубежные работы по проблеме, рассмотрены различные попытки концептуализации когнитивных искажений, их структурные характеристики и некоторые особенности формирования.

Классификации когнитивных искажений

Теория социального научения

По мнению зарубежных исследователей, изучающих когнитивные искажения у сексуальных правонарушителей, теория социального научения [4] является убедительным теоретическим основанием для понимания того, как возникает и закрепляется насильственное сексуальное поведение [26]. Как указывает А. Бандура, реализации любых противоправных действий предшествуют ожидаемые, а не фактические последствия поведения, антиципация которых обычно и сдерживает людей от правонарушений. Однако субъект может избавиться от негативной оценки собственных действий с помощью процессов когнитивного реструктурирования.

Т. Уорд и его коллеги [8] отмечают, что чувство вины играет важную роль в генезе и поддержании противоправного поведения. Испытывающие вину правонарушители обычно совершают преступления реже. Кроме того, лица, позже вставшие на преступный путь, часто испытывают более высокий уровень вины и раскаяния, чем те, чьи девиантные сексуальные интересы возникают раньше.

В теории социального научения описываются различные когнитивные механизмы, позволяющие людям изменять оценку собственных неблагоприятных поступков: представить поведение как этически приемлемое, неверно истолковать его последствия, а также возложить ответственность за свои действия на жертву или других лиц. Механизмы такого реструктурирования легли в основу многих зарубежных представлений о когнитивных искажениях у сексуальных правонарушителей. Сам А. Бандура отмечает, что такие «... процессы самооправдания гораздо чаще, чем личные недостатки, отвечают за негуманное поведение» [4, с. 158].

Более детально типология когнитивных искажений в рамках теории социального научения [4] с примерами высказываний для сексуальных правонарушителей, предложенными У. Мерфи [18], приведена в табл. 1.

Ранняя теория когнитивных искажений

Первой теорией когнитивных искажений, созданной специально для сексуальных правонарушителей,

стала так называемая «ранняя теория» Д. Эйбеля и его коллег [2]. Авторы понимают когнитивные искажения преимущественно как рационализацию противоправного или аморального сексуального поведения, что позволяет правонарушителю без потери чувства достоинства оправдать собственные действия, противоречащие нормам общества [26].

У. Мерфи [18] указывает: в начале формирования девиантного поведения субъект хотя бы интуитивно понимает, что противоправные сексуальные действия причиняют вред, а его мысли о них потенциально опасны. Осознание этого факта вызывает дискомфорт и чувство вины, избегая которых правонарушитель начинает оправдывать себя тем, что могло быть и хуже, ребенок не пострадал, а женщина, которую принудили к сексу, на самом деле получила удовольствие. Через некоторое время такие оправдания становятся почти автоматическими и правонарушитель уже не осознает их. Как отмечают К. Таврис и Э. Аронсон [25], со временем когнитивные искажения становятся глубже и все дальше отрываются от действительности, а сам правонарушитель начинает искренне верить им,

реконструируя в новом свете свои воспоминания о совершенных действиях.

По мнению Д. Эйбеля с коллегами [26], сокрытие насильственного сексуального поведения приводит к тому, что правонарушитель не получает отрицательную обратную связь от других членов общества, не сталкивается с последствиями для себя (такими как арест или социальное отвержение), а также не становится свидетелем негативных последствий сексуального насилия для жертв, поскольку в основном покидает место преступления. Правонарушитель получает обратную связь в основном от себя, а его когнитивная сфера подстраивается под желаемое внешнее подкрепление.

В рамках ранней теории когнитивных искажений не было создано их строгой типологии, но были обозначены семь наиболее распространенных утверждений, встречающихся у лиц, совершивших сексуальные правонарушения в отношении детей (см. табл. 1), которые, однако, по мнению самих авторов, не исчерпывают все возможные варианты искаженных суждений [2].

Таблица 1

Сопоставление классификаций когнитивных искажений, встречающихся у сексуальных правонарушителей

А. Бандура [4] (примеры утверждений заимствованы из У. Мерфи [18])	Д. Эйбель и др. [2]	Н. Поллок и Д. Хэшмолл [21]	Л. Нейдиг и Г. Кроп [19]	Т. Уорд и др. [29]
<i>Разработано специально для сексуальных правонарушителей</i>				
Нет	Да	Да	Да	Да
<i>Концептуальное обоснование</i>				
Да	Нет	Нет	Нет	Да
<i>Эмпирическое подтверждение на группах сексуальных правонарушителей</i>				
Нет	Клинический опыт авторов	Да	Да	Клинический опыт авторов, подтвержденный в дальнейших эмпирических исследованиях
<i>Когнитивные искажения</i>				
	«Когда-нибудь в будущем общество поймет, что секс между ребенком и взрослым — это нормально»	Декларация нормативности сексуальных контактов с детьми. Пример: «Секс с детьми нормален»	«Это не так уж и плохо, на самом деле это не является неправильным»	Уровень убеждений. ИмPLICITная теория о характере вреда: «В сексуальной активности нет вреда. На детей в негативном ключе гораздо больше влияют другие вещи»
	«Ребенок, который физически не сопротивляется сексуальным домогательствам, на самом деле желает заняться сексом»		«Она не сказала «нет» и вообще ничего не сказала, так что с ней должно быть все в порядке»	
	«Дети не рассказывают другим о сексуальных отношениях со взрослым, потому что им нравится, и они хотят продолжения подобных отношений»		«Ей это понравилось»	Уровень убеждений. ИмPLICITная теория о детях как сексуальных существах: «Дети способны принимать осознанные решения о сексе, активно ищут секса»

А. Бандура [4] (примеры утверждений заимствованы из У. Мерфи [18])	Д. Эйбель и др. [2]	Н. Поллок и Д. Хэшмолл [21]	Л. Нейдиг и Г. Кроп [19]	Т. Уорд и др. [29]
Приписывание вины жертве. Пример: «Большинство женщин хотят быть изнасилованными»)	«Когда ребенок задает взрослому вопросы о сексе, это означает, что ребенок хочет видеть половые органы взрослого или заняться с ним сексом». «Дети сексуальны по своей природе и поэтому могут заниматься сексом со взрослыми»	Обвинение жертвы. Пример: «Жертва выступила инициатором»	«Она флиртует и дразнит меня, она хочет, чтобы я это сделал»	
	«Сексуальная близость с ребенком позволяет улучшить отношения с ним»		«Я думал, что я ей понравлюсь больше, если я удовлетворю ее»	
Моральное оправдание, когда представляется, будто поведение служит моральным целям. Пример: «Это было половое воспитание»	«Секс с ребенком — это хороший способ сексуального просвещения»		«Я сделал это, чтобы помочь ей вырасти и повзрослеть»	
Использование эвфемизмов. Пример: «Я просто играл/дурачился»			«Если я не сделаю этого, кто-то другой сделает, так что лучше это буду я»	Уровень ценностей. ИмPLICITная теория о правомерности: «Мои взгляды и желания, решения имеют первостепенное значение»
Паллиативное сравнение, когда собственные действия сопоставляются с более возмутительными и на их фоне кажутся менее значительными. Пример: «Полового акта ведь не было»	«Взрослый, когда только прикасается к телу или гени- талиям ребенка, не причиняет ему вреда»	Утверждение несексуального характера произошедшего. Пример: «Я просто проявлял ласку»	«Мы только прикасались друг к другу, это не настоящий секс»	Уровень действий. ИмPLICITная теория о характере вреда: «Это не носило сексуального характера, это только прикосновения, полового акта ведь не было»
Минимизация, игнорирование или неправильное истолкование последствий. Пример: «Ребенок не пострадал»			«Она слишком молода, чтобы запомнить это или понимать, что я делаю»	
Перенесение ответственности. Пример: «Все из-за отсутствия близости с женой, алкоголя, наркотиков...»		Отсылка к смягчающим факторам психологическим. Пример: «Страх взрослых женщин»	«Я сделал это, потому что я в детстве подвергался сексуальному насилию»	Уровень действий. ИмPLICITная теория о неконтролируемости: «Не было выбора, виновата жертва, другие люди, импульс, алкоголь, наркотики, жена...»
Разделение ответственности. Пример: «Если бы полиция была более внимательна, у жертвы не было бы столько проблем»		Отсылка к смягчающим факторам ситуации. Пример: «Депривация секса по согласию»	«В то время я был под наркотиками или алкоголем» «Я сделал это, чтобы отомстить ей и/или ее матери»	Уровень действий. ИмPLICITная теория об опасном мире: «Тоже заслуживаю близости, проступил справедливо или применил заслуженное наказание»

А. Бандура [4] (примеры утверждений заимствованы из У. Мерфи [18])	Д. Эйбель и др. [2]	Н. Поллок и Д. Хэшмолл [21]	Л. Нейдиг и Г. Кроп [19]	Т. Уорд и др. [29]
Дегуманизация жерт- вы. Пример: «Она все равно была шлюхой»			«Дети должны делать то, что я хочу, и удов- летворять мои потреб- ности»	Уровень действий. Имплицитная теория о правомерности: «Жертва должна про- являть уважение к моим потребностям, а я из своей социаль- ной роли имел право»

Примечание: представленные в таблице данные призваны лишь сориентировать читателя и не претендуют на абсолютную полноту.

Эмпирически подтвержденные искажения

Приведенные выше теоретические взгляды на когнитивные искажения у сексуальных правонарушителей основаны на клиническом опыте авторов и не подкреплены статистическими данными. Эмпирически более обоснованная классификация когнитивных искажений была предложена Н. Поллоком и Д. Хэшмолл [21]. Они указывают, что к типологиям когнитивных искажений, основанных исключительно на клиническом опыте, следует относиться с большой осторожностью, поскольку зачастую даже у авторитетных клиницистов не согласуются или прямо противоречат друг другу суждения об искажениях конкретного правонарушителя. Авторами было проанализировано более 250 объяснений от 86 индивидов собственных противоправных сексуальных действий в отношении детей, собранных из историй болезни, записей психиатров и психологов, отчетов социальных работников и полиции. Все испытуемые на момент обследования проходили психиатрическую экспертизу. Оправдательные реплики правонарушителей были распределены по 21 тематической категории, которые в дальнейшем двумя независимыми экспертами были разделены еще на шесть категорий (см. табл. 1). Авторами также была предложена синтаксическая модель оправданий сексуальных правонарушений: отрицание факта («Ничего не случилось»); отрицание ответственности («Что-то случилось, но это была не моя идея»); отрицание сексуального намерения («Что-то случилось, и это была моя идея, но действия были не сексуальными»); отрицание противоправности («Что-то случилось, и это была моя идея, и это были сексуальные действия, но в этом не было ничего плохого»); отрицание произвольности («Что-то случилось, и это была моя идея, и это были сексуальные действия, и это было неправильно, но были смягчающие обстоятельства»).

В аналогичной работе Л. Нейдига и Г. Кропа [19] были проанализированы 357 утверждений от 101 сексуального правонарушителя. В данном исследовании все испытуемые проходили групповую психотерапию и сами вызвались принять участие в изучении когнитивных искажений. Все они признавали совершение ими сексуальных правонарушений, были замотивированы искренне отвечать про мысли относительно собственных действий. Авторы полагают, что все обследо-

ванные ими правонарушители относились к так называемому регрессивному типу, поскольку у всех них был опыт сексуальных отношений со взрослыми, а деликт был их первым юридическим обвинением в отношении малолетних. По результатам экспертной оценки в этой работе были выделены 38 когнитивных искажений, примеры тем из которых представлены в табл. 1. Проанализировав содержание всех искажений, авторы сделали вывод, что под некоторыми из них могут лежать глубокие когнитивные схемы или убеждения, и обозначили важность разделения «поверхностных» искажений и «более глубоких» когнитивных структур.

Когнитивные искажения как имплицитные теории

Клинический и судебный психолог Т. Уорд [27] поднял вопрос о необходимости анализа внутренней структуры и природы когнитивных искажений. В своих работах он критикует представление об относительной независимости когнитивных искажений друг от друга, их простое перечисление и концептуальную непроработанность самого понятия.

Из данных табл. 1 видно, что теоретической основы, предложенной Бандурой, недостаточно для объяснения всех искажений, обнаруженных исследователями у сексуальных правонарушителей. Т. Уорд попытался подвести теоретический базис именно под все возможные искажения и предложил концепцию имплицитных теорий как гипотез, которыми правонарушитель руководствуется в своих суждениях. Такие имплицитные теории бессознательно влияют на способы трактовки информации, что, при наличии искажений, приводит к ложным интерпретациям себя, других людей и мира.

Подобные теоретические представления были наиболее тщательно эмпирически исследованы и до настоящего времени находят поддержку у многих ученых [5; 9; 20].

Всего было обозначено семь имплицитных теорий, три из которых (неконтролируемость, опасный мир и правомерность) являются общими для растлителей малолетних и насильников, и по две уникальные для каждой из упомянутых групп (табл. 2) [29].

Т. Уорд с коллегами [8] обозначают несколько важных моментов в понимании имплицитных теорий сексуальных правонарушителей.

- Чем более широк и согласован спектр искаженных суждений, тем чаще они должны оказывать влияние на поведение правонарушителя, поскольку активация в памяти одного из компонентов этой когнитивной системы с высокой вероятностью актуализирует другие.

- ИмPLICITные теории обеспечивают предвзятость при обработке информации: информация, соответствующая ожиданиям субъекта, привлекает больше его внимания и отбирается из среды в первую очередь.

- В долговременной памяти гораздо легче сохраняется информация, совпадающая с убеждениями субъекта, а не совпадающая с ними требует гораздо больше усилий и ресурсов для интеграции.

- Искаженные суждения зависят от частоты использования (искажения, часто использованные в прошлом, легче активируются в будущем) и контекста (некоторые из искажений активируются только в определенных ситуациях).

- Предоставление информации, опровергающей ранее существовавшие убеждения, может привести к их изменениям. Например, по данным У. Мерфи [18] информирование о негативных последствиях сексуального насилия и их обсуждение приводят к снижению выраженности когнитивных искажений у правонарушителей (однако указывается, что достижение подобного эффекта будет крайне затруднено при длительной истории противоправных действий, когда когнитивные искажения укоренены более глубоко).

Структура когнитивных искажений

Как можно заметить, концептуализация искаженных суждений сексуальных правонарушителей близка понятию схем в когнитивной психологии. В частности, зарубежными исследователями разделяются представления о когнитивных искажениях как об относительно стабильных и взаимосвязанных когнитивных структурах, которые образуются в результате стереотипных или повторяющихся паттернов концептуализации индивидом окружающего мира [27]. Подобные когнитивные структуры используются как своего рода призмы для скрининга, кодирования и оценки стимулов, определяют не только реакцию на внешние стимулы, но также отчасти направляют поток ассоциаций и размышлений и позволяют индивиду «ориентировать себя по отношению ко времени и пространству, категоризировать и интерпретировать свой опыт смысловым образом» [6, с. 562]. Такие привычные, стереотипные паттерны интерпретации различных ситуаций, допускающих альтернативные трактовки, могут быть характеристиками как культуры или социальных групп (результатом социального опыта), так и отдельных индивидов (результатом уникального индивидуального опыта) [10; 12].

Уровневая структура когнитивных искажений

Еще А. Бек говорил об уровне организации когнитивных структур, где некоторые схемы являются

простыми лингвистическими категориями, а абстрактные концепции, такие как, например, суждения об отношении других людей, являются более сложными и включают в себя ряд более мелких схематических конструкций. Содержание абстрактных, высокопорядковых схем, «имеет форму генерализации и соответствует индивидуальным установкам, целям, ценностям и представлениям» индивида [6, с. 563].

Одними из первых о разных уровнях когнитивных искажений у сексуальных правонарушителей заговорили З. Сигал и Л. Стермак [22]. Они предположили, что степень укорененности когнитивных искажений должна быть различна у лиц с устоявшимися аномальными сексуальными предпочтениями и ситуативных правонарушителей.

Ш. Маруна и Р. Манн [16] показали, что, называя когнитивными искажениями вообще все оправдания, невозможно выйти на адекватную оценку риска совершения преступлений, поскольку некоторые оправдания правонарушителей являются вполне естественными, свойственными человеческой природе в целом, и никаким образом не связаны с риском; другие же действительно могут предшествовать правонарушению — на них и нужно сосредоточить свои усилия.

К настоящему времени никто еще не научился отличать истинные убеждения, глубокие априорные когнитивные искажения сексуальных правонарушителей, от апостериорных оправданий [20].

Для того чтобы понять, какие из когнитивных искажений первичны, а какие вторичны, требуются масштабные лонгитюдные исследования на больших группах людей с раннего детства и до позднего зрелого возраста [21].

Предполагается, что апостериорные заявления должны быть в меньшей степени связаны с риском совершения повторных правонарушений, нежели убеждения, существовавшие до совершения каких-либо действий.

Критерии разграничения априорных и апостериорных когнитивных искажений

Некоторые зарубежные авторы полагают, что первичные когнитивные искажения, которые не только оправдывают запланированное или реализованное антисоциальное поведение, но и предшествуют ему, — это искажения с так называемой центрацией на себе, когда на первый план до такой степени выводятся собственные взгляды, ожидания, потребности, права, непосредственные чувства и желания правонарушителя, что позиция другого человека почти не принимается во внимание или вовсе игнорируется [1]. Остальные когнитивные искажения, куда авторы включают обвинение других, минимизацию (или неправильную оценку вреда) и допущение наихудшего сценария, относятся, по их мнению, к «вторичным», которые помогают переосмыслить запланированное или уже реализованное антисоциальное поведение как не причиняющее реального вреда, как допустимое или даже достойное восхищения.

Вторичные когнитивные искажения, как предполагается, подкрепляют первичные.

Таблица 2

Распределение имплицитных теорий разных групп правонарушителей по уровням

Теории	Уровень убеждений	Уровень ценностей	Уровень действий
Теории, общие для всех сексуальных правонарушителей	НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ		
	Правонарушитель считает себя неспособным осуществлять адекватный контроль над своей жизнью, неэффективен и пассивен, ссылаясь на сильные внешние или внутренние силы, секс часто ассоциирует с потерей контроля	Ценности автономии, способности действовать как независимая личность, способности к самореализации, саморегуляции	Утверждения об отсутствии выбора из-за силы импульса, алкоголя, наркотиков, поведения жертвы или других людей и т. п.
	ОПАСНЫЙ МИР		
	Правонарушитель убежден, что люди по природе агрессивны, враждебны и склонны причинять боль; считает нужным либо искать безопасное место (например, установить отношения с детьми, которых рассматривает как невинных и принимающих), либо проявить инициативу и нанести удар первым	Ценности безопасности, доверительных отношений, справедливости.	Утверждения о справедливости (в том числе о праве на близкие отношения) или о применении заслуженного наказания по отношению к другим людям
Теории, специфичные для растлителей детей	ПРАВОМЕРНОСТЬ		
	Правонарушитель убежден в собственном превосходстве над другими из-за его социальной роли или личностных характеристик; считает, что имеет приоритетное право удовлетворять свои потребности	Ценности статуса, иерархии, особая ценность (правильность) собственных желаний и взглядов, решений	Утверждения, что жертва должна проявлять уважение к потребностям правонарушителя, что он имел право, исходя из своей социальной роли (как мужчина, как отец и т. п.)
	ДЕТИ КАК СЕКСУАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА		
Теории, специфичные для растлителей детей	Правонарушитель рассматривает детей как мотивированных желанием удовольствия и активно ищущих секса; убежден в способности детей принимать осознанные решения о сексе	Ценность свободы выбора ребенка наравне со взрослыми, секс рассматривается как особая ценность для детей по сравнению с другими благами	Утверждения, что действия носили характер просвещения, обучения, помощи в развитии и т. п.
	ХАРАКТЕР ВРЕДА		
Теории, специфичные для насильников женщин	Правонарушитель убежден, что в сексуальной активности нет вреда, что любой стресс, который испытывает ребенок после сексуальных действий, — результат не самих этих действий, а того, как люди реагируют на них	Ценности секса и любых проявлений сексуальности, которые рассматриваются как положительные от природы	Утверждения, что действия не носили сексуального характера, что это только прикосновения, что полового акта не было
	НЕПОСТИЖИМОСТЬ ЖЕНЩИН		
	Правонарушитель убежден, что женщины по своей природе ненадежны, обманчивы и манипулятивны	Ценность честности, взаимопонимания (при этом как честность рассматриваются слова женщины, совпадающие с видением самого правонарушителя)	Утверждения, что секс был по обоюдному согласию; оспаривание изнасилования, обвинения женщины во лжи
Теории, специфичные для насильников женщин	ЖЕНЩИНЫ КАК СЕКСУАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ		
	Правонарушитель убежден, что женщины очень сексуально восприимчивы и всегда хотят сексуальной близости	Ценности удовольствия, натурализма, естественности; представление, что женщины не осознают до конца своей природы, а мужчина призван открыть ей удовольствия	Утверждения о попытке раскрыть в женщине ее сексуальные потребности, несмотря на ее отказ или выражение несогласия

Исследователи [9] предлагают разделять когнитивные искажения на три типа с точки зрения времени их возникновения: (1) задолго до того, как совершается правонарушение; (2) в преддверии или непосредственно перед самим насилием, обеспечивая оправдание запланированного деяния; (3) как ответ на социальную оценку совершенного деяния.

С точки зрения Т. Уорда, наиболее фундаментальными являются убеждения общего (которые содержат общие предположения о природе людей и мира) и сред-

него (касаются различных категорий и групп, таких как женщины, дети и т. п.) уровней, потому что они «...постоянны и составляют концептуальную основу интерпретаций и объяснения правонарушителем действий и психических состояний жертв» [27, с. 499]. Наименее генерализованные убеждения касаются конкретных жертв.

Эти идеи были в дальнейшем развиты Т. Уордом с коллегами в новой модели, согласно которой когнитивные искажения сексуальных правонарушителей понимаются как результат разноуровневых заблужде-

ний и могут быть рассмотрены с точки зрения убеждений, ценностей или действий [29]. Все эти уровни взаимодействуют, взаимно влияя друг на друга.

Когнитивные искажения уровня убеждений — ложные, неправильные представления о себе и других людях — являются наиболее глубоко укорененными и генерализованными. Приобретаются чаще всего в детстве. Авторы полагают, что далеко не все озвучиваемые правонарушителями искажения вызваны дезадаптивными убеждениями. Даже если правонарушитель произносит что-то, напоминающее убеждения, он не обязательно в полной мере разделяет эти идеи. В таком случае высказывания могут, например, меняться в зависимости от контекста.

На озвучиваемые идеи могут влиять ценности — кого или что человек рассматривает как достойное или заслуживающее стремления, как положительное и полезное или, напротив, отрицательное и вредное для себя и других. Сюда входит, например, представление о том, что дети заслуживают больше доверия, чем взрослые, или о том, что женщины по природе хуже мужчин. Ценностные суждения напрямую связаны с целями, которые ставит перед собой субъект, определяют его поведение, характер поддерживаемых социальных связей, досуг.

Последний вид искажений возникает как результат конкретных действий, их оценки с социальной позиции и служит защитой от критики со стороны других лиц или самого себя. Рассуждения уровня действий, когда они используются достаточно часто, по механизму обратной связи могут влиять на формирование структуры убеждений.

Внешние и внутренние факторы в формировании когнитивных искажений

Хотя предубеждения сокращают время на обработку информации и позволяют экономить энергию при принятии решений, обстоятельства жизни могут приводить к развитию таких представлений, которые были полезными и помогали приспособиться к миру лишь в прошлом, а во взрослом возрасте способствуют дезадаптации и проблемному поведению [27]. Так, интерпретация поведения других людей как враждебного зачастую вредит социальным отношениям, однако именно такая трактовка двусмысленных действий агрессивного члена семьи могла помочь избежать побоев в детстве.

Такие убеждения изначально могут быть несексуальными. Например, воспитываемый в ненадежном окружении ребенок может сделать вывод о том, что слова взрослых часто расходятся с их намерениями, а по мере взросления, когда достигается половая зрелость и появляются новые потребности и желания, которые сексуализируют несексуальные по своему происхождению мысли, субъект может модифицировать имплицитную теорию и сделать вывод, что слова женщины зачастую расходятся с ее сексуальными желаниями (т. е. говоря «нет», она может иметь в виду «да»).

Связь прошлого опыта с формированием когнитивных искажений особенно подчеркивается в исследовани-

ях пережитого сексуального насилия [23]. Показано, что правонарушители с сексуальной виктимизацией в детстве чаще поддерживают утверждения, одобряющие сексуальные преступления, дают более положительную оценку лицам, совершающим такие действия, и демонстрируют существенно больше эмоциональной конгруэнтности с детьми, чем лица без такой виктимизации [14].

В последние десять лет теоретические представления о когнитивных искажениях обогащаются идеями энативизма. Уже рассмотренные теории в основном соответствуют когнитивному интернализму и описывают искаженные суждения как свойственные именно индивиду, практически ничего не говоря о роли внешней среды, тогда как в действительности когнитивные искажения представляют собой скорее расширенный фенотип [28]. Иными словами, признание расширенного характера когнитивного функционирования позволяет сделать вывод о том, что когнитивные искажения возникают не просто в голове правонарушителей, а в более широком социальном и культурном контексте, в котором они живут; что когнитивные искажения являются динамическими и контекстно зависимыми и включают в себя как внутренние, так и внешние компоненты.

Идеи о тесной взаимосвязи внешнего и внутреннего в генезе когнитивных искажений находят подтверждение в зарубежных исследованиях, демонстрирующих связь искаженных суждений со способом реализации аномального сексуального поведения. Так, лица, совершающие противоправные сексуальные действия в Интернете, хоть и в меньшей степени, но поддерживают те же когнитивные искажения, которые разделяют контактные правонарушители, за исключением редко озвучиваемых ими представлений о правомерности совершения сексуальных действий. Кроме того, у них обнаруживаются новые виды искажений, в частности, оправдание нереальностью всего происходящего в Интернете (например, что за аватаром ребенка может скрываться взрослый) [13; 15; 20].

В этом же контексте некоторые исследователи подчеркивают разницу между правонарушителями с расстройствами сексуального предпочтения и/или длительной историей противоправных действий и без, поскольку у них существенно различается опыт взаимодействия со средой [18; 22; 27]. Например, факт того, что лица со сформированным сексуальным предпочтением к лицам детского возраста на протяжении жизни длительное время фантазируют о детях или совершают с ними сексуальные действия, должен привести к развитию обширных, сложных и хорошо интегрированных когнитивных искажений, мало подверженных изменениям. В этом случае процесс когнитивной обработки происходит быстро, без особых усилий и применим к широкому кругу ситуаций и людей.

Более того, сексуальные правонарушители с длительной историей противоправных действий нередко общаются в социальных группах, где другие участники разделяют их представления, делятся опытом и материалами порнографического характера, тем самым способствуя укоренению искаженных суждений.

Выводы

Зарубежные исследования когнитивных искажений показывают, что объяснение разных видов преступности следует искать не столько в личности правонарушителя (схожие криминальные действия совершаются очень разными людьми), сколько в механизмах, которые способствуют совершению противоправных действий.

Изучение когнитивных искажений в этом смысле является крайне перспективным, однако их концептуализация и классификация сопряжены с целым рядом трудностей. Основная из этих трудностей заключается в том, что самоотчеты не являются объективной мерой оценки когнитивных искажений. В условиях судебно-психиатрической экспертизы большинство правонарушителей с сохранной критикой будут отрицать наличие у себя подобных идей. Таким образом, в разных условиях тестирования (будь то ситуация судебно-психиатрической оценки или исследование в рамках прохождения терапии) могут обнаруживаться разные результаты. Представляется, что оценку когнитивных искажений необходимо проводить не только унифицированными опросниками, но по возможности дополнять их тщательным феноменологическим анализом поведения в ситуации правонарушения (по материалам уголовных

дел), ретроспективным анализом убеждений, существовавших до совершения инкриминируемого деяния.

Перспективно изучение когнитивных искажений у правонарушителей с разделением исследуемых выборок на тех, кто имеет парафильное расстройство, и тех, кто совершил криминальные действия под влиянием других факторов. При сексуальных расстройствах когнитивные искажения должны быть более выражены, поскольку длительность формирования, стойкость, а также средовые влияния — сообщества, в которых нередко общаются правонарушители, — должны приводить к развитию системы когнитивных искажений более глубокого уровня. Представляется, что исследование подобного рода поспособствовали бы и продвижению в решении вопроса о разделении априорных и апостериорных искаженных суждений.

Остаются нерешенными и вряд ли будут решены в ближайшее время вопросы, касающиеся формирования когнитивных искажений в онтогенезе сексуальных правонарушителей, а именно момента, когда из адаптивных когнитивных структур они превращаются в дезадаптивные, и где проходит грань между естественными оправданиями, свойственными для всех людей при совершении неблагоприятных поступков, и установками, которые способствуют совершению правонарушений.

Литература

1. A Meta-Analysis on Cognitive Distortions and externalizing Problem behavior: Associations, Moderators, and Treatment Effectiveness / P. Helmond, G. Overbeek, D. Brugman, J.C. Gibbs // *Criminal Justice and Behavior*. 2015. Vol. 42. № 3. P. 245—262. DOI:10.1177/0093854814552842
2. Abel G.G., Becker J.V., Cunningham-Rathner J. Complications, Consent, and Cognitions in Sex Between Children and Adults // *International Journal of Law and Psychiatry*. 1984. Vol. 7. № 1. P. 89—103. DOI:10.1016/0160-2527(84)90008-6
3. Adverse Childhood Experiences Related to Cognitive and Emotional States: A study on Sexual Offenders in Italy and Portugal / I. Petrucchelli, G. D'Urso, S. Cataldi, A. De Risio, S. Grilli, R.A. Gonçalves, M. Sousa, L. Lucania, M. Bonaiuto // *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*. 2022. Vol. 76. P. 93—110. DOI:10.33788/rcis.76.7
4. Bandura A. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1977. 247 p.
5. Baúto R.V., Cardoso J., Leal I. Preliminary Validation of Bumby RAPE and MOLEST Scales: Exploratory Factorial Analysis // *Annals of medicine*. 2021. Vol. 53. № suppl. 1. P. S130—S130. DOI:10.1080/07853890.2021.1896190
6. Beck A.T. Thinking and Depression II. Theory and Therapy // *Archives of General Psychiatry*. 1964. Vol. 10. № 6. P. 561—571. DOI:10.1001/archpsyc.1964.01720240015003
7. Bonta J., Andrews D.A. *The Psychology of Criminal Conduct*. New York: Routledge, 2017. 470 p.
8. Cognitive Distortions in Sex Offenders: an Integrative Review / T. Ward, S.M. Hudson, L. Johnston, W.L. Marshall // *Clinical Psychology Review*. 1997. Vol. 17. № 5. P. 479—507. DOI:10.1016/s0272-7358(97)81034-3
9. Distorted Cognition Related to Male Sexual Offending: The multi-mechanism theory of cognitive distortions (MMT-CD) / F. Szumski, R.M. Bartels, A.R. Beech, D. Fisher // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 39. P. 139—151. DOI:10.1016/j.avb.2018.02.001
10. Gualco B., Scarpa F., Rensi R. Assessment of Recidivism Risk in Sex Offenders: A Pilot Study in Central Italy // *Healthcare*. 2021. Vol. 9. № 11. Article ID 1590. 12 p. DOI:10.3390/healthcare9111590
11. Hazama K., Katsuta S. Cognitive Distortions Among Sexual Offenders Against Women in Japan // *Journal of Interpersonal Violence*. 2019. Vol. 34. № 16. P. 3372—3391. DOI:10.1177/0886260516669544
12. Hurt People Hurt Other People: the Link Between Past Trauma and Sexual Offending / M.D. Grady, J.S. Levenson, J. Glover, S. Kavanagh, K. Carter // *Sexual Offending: Theory, Research, and Prevention*. 2022. Vol. 17. Article ID e7361. 28 p. DOI:10.5964/sotrap.7361
13. Implicit Theories of Child Sexual Exploitation Material Offenders: Cross-Cultural Validation of Interview Findings / V. Soldino, H.L. Merdian, R.M. Bartels, H.K. Bradshaw // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2020. Vol. 64. № 4. P. 315—334. DOI:10.1177/0306624X19877599

14. Is Childhood Sexual Victimization Associated with Cognitive Distortions, Self-Esteem, and Emotional Congruence with Children? / C. Blank, K.L. Nunes, S. Maimone, C.A. Hermann, I.V. McPhail // *Journal of Sexual Aggression*. 2018. Vol. 24. № 3. P. 259—273. DOI:10.1080/13552600.2018.1509574
15. *Kettleborough D.G., Merdian H.L.* Gateway to Offending Behaviour: Permission-Giving Thoughts of Online Users of Child Sexual Exploitation Material // *Journal of Sexual Aggression*. 2017. Vol.23. № 1. P. 19—32. DOI:10.1080/13552600.2016.1231852
16. *Maruna S., Mann R.E.* A Fundamental Attribution Error? Rethinking Cognitive Distortions // *Legal and Criminological Psychology*. 2006. Vol. 11. № 2. P. 155—177. DOI:10.1348/135532506X114608
17. *McLeod D.A., Dodd M.* Modernized Female Sex Offender Typologies: Intrapsychic, Behavioral, and Trauma Related Domains // *Cogent Social Sciences*. 2022. Vol. 8. № 1. Article ID 2085360. 18 p. DOI:10.1080/23311886.2022.2085360
18. *Murphy W.D.* Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders // *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender* / Eds. W.L. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree. New York: Plenum Press, 1990. P.31—342.
19. *Neidigh L., Krop H.* Cognitive Distortions Among Child Sexual Offenders // *Journal of Sex Education and Therapy*. 1992. Vol. 18. № 3. P. 208—215. DOI:10.1080/01614576.1992.11074054
20. *Paquette S., Longpré N., Cortoni F.* A Billion Distorted Thoughts: An Exploratory Study of Criminogenic Cognitions Among Men Who Sexually Exploit Children Over the Internet // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2020. Vol. 64. № 10—11. P. 1114—1133. DOI:10.1177/0306624X19873082
21. *Pollock N.L., Hashmall J.M.* The Excuses of Child Molesters // *Behavioral Sciences and the Law*. 1991. Vol. 9. № 1. P. 53—59. DOI:10.1002/bsl.2370090107
22. *Segal Z.V., Stermac L.E.* The Role of Cognition in Sexual Assault // *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender* / Eds. W.L. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree. New York: Plenum Press, 1990. P. 161—174.
23. *Smith M.S.* I'm Not a Child Molester, but a Victim Myself: Examining Rationalizations Among Male Sex Offenders Who Report Histories of Childhood Sexual Abuse // *International journal of offender therapy and comparative criminology*. 2022. Article ID 0306624X221102789. 18 p. DOI:10.1177/0306624X221102789
24. *Szumski F., Bartoszak D.* Cognitive distortions and recidivism in sexual offenders against children // *Problems of Forensic Sciences*. 2021. Vol. 128. P. 191—209. DOI:10.4467/12307483PFS.21.011.15881
25. *Tavris C., Aronson E.* Mistakes Were Made (but Not by Me): Why We Justify Foolish Beliefs, Bad Decisions, and Hurtful Acts. Boston: Mariner Books, 2020. 464 p.
26. The Measurement of the Cognitive Distortions of Child Molesters / G.G. Abel, D.K. Gore, C.L. Holland, N. Camp, J.V. Becker, J. Rathner // *Annals of Sex Research*. 1989. Vol. 2. № 2. P. 135—152. DOI:10.1007/BF00851319
27. *Ward T.* Sexual Offenders' Cognitive Distortions as Implicit Theories // *Aggression and Violent Behavior*. 2000. Vol. 5. № 5. P. 491—507. DOI:10.1016/s1359-1789(98)00036-6
28. *Ward T., Casey A.* Extending the Mind into the World: A New Theory of Cognitive Distortions in Sex Offenders // *Aggression and Violent Behavior*. 2010. Vol. 15. № 1. P. 49—58. DOI:10.1016/j.avb.2009.08.002
29. *Ward T., Gannon T.A., Keown K.* Beliefs, Values, and Action: The Judgment Model of Cognitive Distortions in Sexual Offenders // *Aggression and Violent Behavior*. 2006. Vol. 11. № 4. P. 323—340. DOI:10.1016/j.avb.2005.10.003

References

1. Helmond P., Overbeek G., Brugman D., Gibbs J.C. A Meta-Analysis on Cognitive Distortions and externalizing Problem behavior: Associations, Moderators, and Treatment Effectiveness. *Criminal Justice and Behavior*, 2015. Vol. 42, no. 3, pp. 245—262. DOI:10.1177/0093854814552842
2. Abel G.G., Becker J.V., Cunningham-Rathner J. Complications, Consent, and Cognitions in Sex Between Children and Adults. *International Journal of Law and Psychiatry*, 1984. Vol. 7, no. 1, pp. 89—103. DOI:10.1016/0160-2527(84)90008-6
3. Petrucchelli I., D'Urso G., Cataldi S., De Risio A., Grilli S., Gonçalves R.A., Sousa M., Lucania L., Bonaiuto M. Adverse Childhood Experiences Related to Cognitive and Emotional States: A study on Sexual Offenders in Italy and Portugal. *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*, 2022. Vol. 76, pp. 93—110. DOI:10.33788/rcis.76.7
4. Bandura A. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1977. 247 p.
5. Baúto R.V., Cardoso J., Leal I. Preliminary Validation of Bumby RAPE and MOLEST scales: Exploratory factorial analysis. *Annals of medicine*, 2021. Vol. 53, no. suppl. 1, pp. S130. DOI:10.1080/07853890.2021.1896190
6. Beck A.T. Thinking and Depression II. Theory and Therapy. *Archives of General Psychiatry*, 1964. Vol. 10, no. 6, pp. 561—571. DOI:10.1001/archpsyc.1964.01720240015003
7. *Bonta J., Andrews D.A.* The Psychology of Criminal Conduct. New York: Routledge, 2017. 470 p.
8. Ward T., Hudson S.M., Johnston L., Marshall W.L. Cognitive Distortions in Sex Offenders: an Integrative Review. *Clinical Psychology Review*, 1997. Vol. 17, no. 5, pp. 479—507. DOI:10.1016/s0272-7358(97)81034-3
9. Szumski F., Bartels R.M., Beech A.R., Fisher D. Distorted Cognition Related to Male Sexual Offending: The Multi-Mechanism Theory of Cognitive Distortions (MMT-CD). *Aggression and Violent Behavior*, 2018. Vol. 39, pp. 139—151. DOI:10.1016/j.avb.2018.02.001
10. Gualco B., Scarpa F., Rensi R. Assessment of Recidivism Risk in Sex Offenders: A Pilot Study in Central Italy. *Healthcare*, 2021. Vol. 9, no. 11, article ID 1590, 12 p. DOI:10.3390/healthcare9111590

11. Hazama K., Katsuta S. Cognitive Distortions Among Sexual Offenders Against Women in Japan. *Journal of Interpersonal Violence*, 2019. Vol. 34, no. 16, pp. 3372—3391. DOI:10.1177/0886260516669544
12. Grady M.D., Levenson J.S., Glover J., Kavanagh S., Carter K. Hurt People Hurt Other People: the Link Between Past Trauma and Sexual Offending. *Sexual Offending: Theory, Research, and Prevention*, 2022. Vol. 17, article ID e7361, 28 p. DOI:10.5964/sotrap.7361
13. Soldino V., Merdian H.L., Bartels R.M., Bradshaw H.K. Implicit Theories of Child Sexual Exploitation Material Offenders: Cross-Cultural Validation of Interview Findings. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2020. Vol. 64, no. 4, pp. 315—334. DOI:10.1177/0306624X19877599
14. Blank C., Nunes K.L., Maimone S., Hermann C.A., McPhail I.V. Is Childhood Sexual Victimization Associated with Cognitive Distortions, Self-Esteem, and Emotional Congruence With Children? *Journal of Sexual Aggression*, 2018. Vol. 24, no. 3, pp. 259—273. DOI:10.1080/13552600.2018.1509574
15. Kettleborough D.G., Merdian H.L. Gateway to Offending Behaviour: Permission-Giving Thoughts of Online Users of Child Sexual Exploitation Material. *Journal of Sexual Aggression*, 2017. Vol. 23, no. 1, pp. 19—32. DOI:10.1080/13552600.2016.1231852
16. Maruna S., Mann R.E. A Fundamental Attribution Error? Rethinking Cognitive Distortions. *Legal and Criminological Psychology*, 2006. Vol. 11, no. 2, pp. 155—177. DOI:10.1348/135532506X114608
17. McLeod D.A., Dodd M. Modernized Female Sex Offender Typologies: Intrapsychic, Behavioral, and Trauma Related Domains. *Cogent Social Sciences*, 2022. Vol. 8, no. 1, article ID 2085360, 18 p. DOI:10.1080/23311886.2022.2085360
18. Murphy W.D. Assessment and Modification of Cognitive Distortions in Sex Offenders. In Marshall W.L., Laws D.R., Barbaree H.E. (eds.), *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender*. New York: Plenum Press, 1990, pp. 331—342.
19. Neidigh L., Krop H. Cognitive Distortions Among Child Sexual Offenders. *Journal of Sex Education and Therapy*, 1992. Vol. 18, no. 3, pp. 208—215. DOI:10.1080/01614576.1992.11074054
20. Paquette S., Longpré N., Cortoni F. A Billion Distorted Thoughts: An Exploratory Study of Criminogenic Cognitions Among Men Who Sexually Exploit Children Over the Internet. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2020. Vol. 64, no. 10—11, pp. 1114—1133. DOI:10.1177/0306624X19873082
21. Pollock N.L., Hashmall J.M. The Excuses of Child Molesters. *Behavioral Sciences and the Law*, 1991. Vol. 9, no. 1, pp. 53—59. DOI:10.1002/bsl.2370090107
22. Segal Z.V., Stermac L.E. The Role of Cognition in Sexual Assault. In Marshall W.L., Laws D.R., Barbaree H.E. (eds.), *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender*. New York: Plenum Press, 1990, pp. 161—174.
23. Smith M.S. I'm Not a Child Molester, but a Victim Myself: Examining Rationalizations Among Male Sex Offenders Who Report Histories of Childhood Sexual Abuse. *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 2022, article ID 0306624X221102789, 18 p. DOI:10.1177/0306624X221102789
24. Szumski F., Bartoszak D. Cognitive Distortions and Recidivism in Sexual Offenders Against Children. *Problems of Forensic Sciences*, 2021. Vol. 128, pp. 191—209. DOI:10.4467/12307483PFS.21.011.15881
25. Tavis C., Aronson E. Mistakes Were Made (but Not by Me): Why We Justify Foolish Beliefs, Bad Decisions, and Hurtful Acts. Boston: Mariner Books, 2020. 464 p.
26. Abel G.G., Gore D.K., Holland C.L., Camp N., Becker J.V., Rathner J. The Measurement of the Cognitive Distortions of Child Molesters. *Annals of Sex Research*, 1989. Vol. 2, no. 2, pp. 135—152. DOI:10.1007/BF00851319
27. Ward T. Sexual Offenders' Cognitive Distortions as Implicit Theories. *Aggression and Violent Behavior*, 2000. Vol. 5, no. 5, pp. 491—507. DOI:10.1016/s1359-1789(98)00036-6
28. Ward T., Casey A. Extending the Mind into the World: A New Theory of Cognitive Distortions in Sex Offenders. *Aggression and Violent Behavior*, 2010. Vol. 15, no. 1, pp. 49—58. DOI:10.1016/j.avb.2009.08.002
29. Ward T., Gannon T.A., Keown K. Beliefs, Values, and Action: The Judgment Model of Cognitive Distortions in Sexual Offenders. *Aggression and Violent Behavior*, 2006. Vol. 11, no. 4, pp. 323—340. DOI:10.1016/j.avb.2005.10.003

Информация об авторе

Демидова Любовь Юрьевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: lyubov.demidova@gmail.com

Information about the author

Liubov Y. Demidova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Department of forensic examination in criminal proceedings, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4357-1105>, e-mail: lyubov.demidova@gmail.com

Получена 22.07.2022

Принята в печать 02.02.2023

Received 22.07.2022

Accepted 02.02.2023